

традиционными мотивами. Будучи глубоко традиционным, искусство гуцульской резьбы откликается по-своему на все новое. Это делает искусство гуцулов живым, определяет его место в современной художественной культуре.

Токуаки Баннай

ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА В ЯПОНИИ

Одной из самых популярных зарубежных литератур в Японии была и остается русская литература XIX—XX вв. С тех пор как в 1880-х годах Симэй Футабатэй перевел на японский язык повести И. С. Тургенева, многие произведения русской литературы, начиная со «Слова о полку Игореве» и кончая творчеством современных советских писателей, например В. М. Шукшина, В. Г. Распутина, В. И. Белова и др., стали доступны японским читателям.

Очень популярен в Японии и русский фольклор. В частности, широко известны русские народные сказки «Иван-царевич и серый волк», «Конек-Горбунок», «Баба-Яга», «Царевна-лягушка», а сказку «Репка» первоклассники читают в учебнике родной речи. Хорошо знакомы японцам персонажи русских народных сказок: Жар-птица, Иван-царевич, Василиса прекрасная и др.

В Японии любимы многие популярные русские народные песни литературного происхождения, например «Из-за острова на стрежень», «Вот мчится тройка почтовая», «Красный сарафан», «Утес Разина». Можно утверждать, что из зарубежных песен здесь наиболее часто поются русские.

И все же, несмотря на большой интерес к русскому народу и его культуре, русский фольклор в Японии изучается менее интенсивно, чем русская литература. Здесь нет столь богатой традиции исследования русского фольклора, как, например, в Великобритании, США, ГДР¹.

Тому есть несколько причин. Во-первых, одним из главных препятствий для знакомства с инонациональной культурой является язык, без знания которого невозможно глубоко понять народную традиционную словесную культуру. В Японии же лишь с конца прошлого столетия началось преподавание в некоторых высших учебных заведениях русского языка, а сравнительно недавно и русской литературы. Кроме того, во многих университетах студенты могут обучаться русскому языку как второму или третьему иностранному языку. Так, например, в 1981 г. в более чем 130 университетах и институтах (т. е. примерно в 30% их) преподавался русский язык, в том числе в 15 университетах и институтах читались специальные курсы русского языка, русской литературы и страноведения. И все же обучающихся русскому языку мало. Русский язык преподается преимущественно в узкопрактических целях, отсутствует филологическая подготовка студентов. Большинство лекций по русской литературе посвящено писателям нового времени, тогда как лекции по древнерусской литературе и народной устной словесности читаются редко².

Во-вторых, зарубежным исследователям добиться глубокого понимания традиционной культуры другого народа вообще крайне трудно, так

¹ См.: *Налепин А. Л.* Изучение и преподавание русского фольклора в университетах Великобритании и США//Сов. этнография. 1981. № 4; *Хексельшнайдер Э.* К истории изучения русского фольклора в Германии в первой половине XIX в.//Русский фольклор. VII. 1962.

² *Ито Т.* Славяноведение в Японии: история, учреждения и проблемы//Сураву кэн-го (Славистические исследования). 1980. № 25 (на русск. яз.).

как для этого надо знать и историю народа. К тому же фольклористика в Японии — молодая наука и заслужила признание как одна из филологических наук лишь недавно.

Несмотря на все это, первый (назовем его дилетантским) период знакомства с русским фольклором в Японии, несомненно, позади, и теперь осуществляется серьезное изучение русского фольклора³.

Первые работы на японском языке, привлечшие внимание японцев к истории русской литературы, появились в 1920—1930-х годах. Их авторы — К. Оидзуми и С. Нобори⁴ уделили сравнительно много внимания устной словесности и обрядовой поэзии. Например, в книге К. Оидзуми, состоящей из трех частей («Устная словесность и ее время», «Древнерусская литература и ее время» и «Литература до половины XIX века»), более 100 страниц отведено народным песням и былинам. Былины характеризуются особенно подробно, называются и их исполнители, и собиратели. К тому же в конце первой части книги публикуются переводы трех былин: «Святогор», «Добрыня и змей» и «Вольга и Микула Селянинович».

Можно назвать две антологии русского народного поэтического творчества на японском языке: «Русская народная словесность» (т. 1—3, 1975; составитель — С. Игэта) и «Устная словесность русского народа» (с 1981 по 1982 г. вышло четыре тома; составитель — С. Ватанабэ). Антология С. Ватанабэ, на наш взгляд, очень объемна. Например, первый том ее, посвященный быличкам и преданиям, содержит более 300 текстов.

Как учебное пособие для японских фольклористов и студентов, интересующихся русским фольклором, в Японии используются труд В. Я. Проппа «Фольклор и действительность. Избранные статьи» (М., 1976; сокращенный перевод на яп. яз.—1979 г.) и учебное пособие под редакцией Н. И. Кравцова «Русское народное поэтическое творчество» (М., 1971; перевод — 1979 г.).

Сведений о том, когда впервые была переведена на японский язык русская сказка, нет. Достоверно известно, что в 1917 г. были переведены две сказки из сборника «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева⁵. Имя Афанасьева очень популярно среди японских читателей, сказки из его книги переводились много раз (более чем десятью переводчиками и писателями!). В 1924—1925 гг. вышла книга «Сказки А. Н. Афанасьева», в которую были включены 207 текстов из пятитомного издания сказок 1913—1914 гг. В книге есть и народные легенды. Перевели сказки известные переводчики Х. Накамура и М. Енэкава. В 1977 г. сборник был переиздан.

В 1952 г. появилось еще одно издание русских народных сказок из сборника А. Н. Афанасьева «Жар-птица» в переводе К. Дзиндзя. В него вошла лишь 21 сказка, но перевод отличается несомненными стилистическими достоинствами, ясностью и простотой. В 1962 г. на японском языке были опубликованы 7 сказок из двухтомника «Русская сказка. Избранные мастера» под редакцией М. К. Азадовского (Л., 1932).

В большинстве случаев русские сказки, как и сказки других народов, считаются детской литературой, и переводы их часто адаптируются. Пожалуй, лишь издания «Русские народные сказки» воронежской сказочницы А. Н. Корольковой (сборник подготовлен Э. В. Померанцевой, 1969 г.; перевод Я. Танака, 1976 г.) и «Русские заветные сказки» А. Н. Афанасьева, изданные в 1977 г., отличаются наиболее точным научным переводом. В последнем сборнике 83 сказки. Кстати, ранее в Японии дважды переводились «Заветные сказки» (с французского), но это были явно дилетантские переводы.

³ Следует отметить, что с 1977 г. ведутся семинары («беседы») по русскому фольклору в университете Хитоцубаси в Токио (проф. Е. Накамура). Университет издает 2 раза в год сборник «Народ» (с 1979 по 1982 г. вышло шесть томов).

⁴ Оидзуми К. История русской литературы. Токио, 1922; Нобори С. Очерки русской литературы. Токио, 1933.

⁵ Одна из них — Мори но сэй (Леший)/Пер. Татики С./Росиа (Россия). 1917.

Исследований по русской сказке в Японии значительно меньше, чем публикаций текстов. Прежде всего следует назвать вышедшую в 1948 г. статью Э. Исиды, не потерявшую своего значения и теперь⁶. В ней рассматривается история не только русского сказковедения, но и русской и советской фольклористики. Эта статья в сущности была первой попыткой познакомить научную общественность Японии с русской фольклористикой.

Большое значение имело издание в Японии книги В. Я. Проппа «Морфология сказки» (М., 1969) с послесловием Е. М. Мелетинского: в 1972 г. вышел первый (не вполне удачный) перевод этой книги, в 1982 г. — второй (переводчики — С. Китаока и др.). Оригинальная методология, которую предложил В. Я. Пропп, нашла признание у многих японских фольклористов, особенно сказковедов. Специалист по японской этнографии К. Комацу высоко оценил морфологический подход В. Я. Проппа к сказке⁷, введенное им понятие «функции» для ее анализа. В то же время он обратил внимание и на метод французского семиотика К. Бремона, предложившего более обобщенное понятие «функции», попытавшегося свести все пропповские функции к трем, формирующим сюжет сказки. С. Китаока, литературовед и переводчик книги В. Я. Проппа, в нескольких статьях познакомил читателей с работами Е. М. Мелетинского, А. Греймаса, Э. и П. Маранда, Т. А. Дийка, К. Леви-Строса и других исследователей, посвященными структурному изучению сказки⁸.

Диахроническая и историческая методология В. Я. Проппа продолжает привлекать внимание ученых Японии. Его книга «Исторические корни волшебной сказки» (Л., 1946) вышла в 1983 г. Статья В. Я. Проппа «Ритуальный смех в фольклоре» (1939), к сожалению, не вошла в изданный в Японии перевод книги «Фольклор и действительность». Вместе с тем его теория ритуального смеха и попытка связать смех с земледельческой магией вызвали интерес современных японских исследователей. В целом надо отметить, что подлинно научное исследование сказки в Японии только набирает силу⁹, и японским ученым предстоит дальнейшее ознакомление с трудами советских сказковедов.

Сборники русских народных песен в Японии публиковались неоднократно. Еще в 1910-х годах С. Нобори издал две антологии русских народных песен и былин. Одна из антологий, «Россия минъёсю» (1920), включает более 170 песен. Она состоит из 14 частей: колядки; святочные, хороводные, весенние, свадебные, бытовые, колыбельные песни; песни семейной жизни, поминальные, богатырские, народные песни нового времени и цыганские, а также причитания и частушки. В 1908 г. С. Нобори написал статью о русских народных песнях.

Японские музыковеды также издавали сборники русских народных песен, например «Сэкай минъё дзэнсю — Россия хэн»/ред. Н. Монмы (1935), «Совиэто гасёкёкусю»/ред. Е. Иноуэ (1953), «Россия минъё арубаму»/ред. Т. Китагава (1959). В 1978 г. опубликован сборник «Русские песни» (три книги), основанный на издании «Русские песни в 3-х выпусках»/сост. А. З. Иванов (Л., 1953—1955).

В 1970 г. появились статьи о былинах профессора университета Хиоцубаси в Токио Ё. Накамура: «Приглашение к чтению былин» (1974), «Средиземноморский мир в русском народном эпосе» (1974) и др. Им же переведены на японский язык тексты многих русских былин.

Былинам и народным песням посвящены две кандидатские диссертации, защищенные в университете Васэда в Токио. Я. Сато в диссертации «Тексты и сказители былин» (1972) дает сравнительный анализ

⁶ Исиды Э. История и задачи сказковедения в России//Миндзокугаку кэнкю (Этнографическое исследование). 1948. Т. 12. № 3.

⁷ Комацу К. Морфологическое изучение сказки//Нихон мукасиванаси таисэй (Свод японских сказок). Токио. 1980. Т. 12.

⁸ Китаока С. Метод структурного сказковедения//Эуи. 1975. Т. 2; его же. Внутренняя структура сказки//Россия, Сэйе, Нихон (Россия, Запад и Япония). 1976.

⁹ См., например, Сэки К. Собрание сочинений в 9 томах. Киото, 1980—1981.

былин, записанных от Т. Г. Рябинина и его учеников. В 1981 г. он опубликовал статью «Типы „сравнения“ в былинах», где утверждает, что употребление сравнений во многих случаях зависит от интересов, настроения, памяти сказителей и что сравнения (за исключением описаний битв) не играют важной роли в былинной традиции в отличие от других выразительных средств: постоянных эпитетов, типических мест и др. В диссертации И. Ито «Структура народных лирических песен» (1974), использовавшего метод анализа, предложенный В. Б. Шкловским в книге «О теории прозы» (1925), рассмотрены русские народные лирические песни на фонологическом, морфологическом, синтагматическом и сюжетологическом уровнях. На материале русских народных песен основана статья И. Ито о поэтике народных песен («Музыка и язык народных песен», 1975).

Причитания, особенно те, которые использованы в литературных произведениях, рассматриваются в статье Т. Банная «Причитания „В лесах“ П. И. Мельникова-Печерского» (1975). Опираясь в известной мере на работу К. В. Чистова¹⁰, автор указывает на мифический характер причитаний и мифологическое толкование их П. И. Мельниковым. Т. Банная же принадлежит статья о великой русской народной поэтессе И. А. Федосовой, написанная в 1981 г. к 150-летию со дня ее рождения.

Знают в Японии и русские частушки, что в значительной степени является заслугой советского востоковеда и этнографа, ученика Л. Я. Штернберга Николая Александровича Невского. В японской фольклористике этот ученый занимает особое место. Он известен как собиратель и исследователь фольклора айнов и жителей островов Мияко (архипелаг Рюкю), а также южных областей Японии. Во время работы в Японии он подружился с выдающимися японскими фольклористами и этнографами (К. Янагида, С. Оригути и др.). Труды Н. А. Невского оказали большое влияние на современных ему японских фольклористов и этнографов. В небольшой статье на японском языке¹¹ Н. А. Невский рассказывает, что летом 1911 г., будучи студентом, записал 150 частушек в д. Копорье Моложского уезда Ярославской губернии. Семь из них он перевел на японский язык и опубликовал, благодаря чему японские читатели имели возможность познакомиться с этим жанром русского фольклора.

Немалый интерес проявляется в Японии к русским пословицам и загадкам. Еще в 1920 г. С. Нобори опубликовал «Сборник русских пословиц». Загадке, в частности книге Д. Н. Садовникова «Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач» (М., 1959), была посвящена обзорная статья И. Каинумы¹².

В 1981 г. Я. Танакой была переведена глава «Рассказы о лешем» из книги Э. В. Померанцевой «Мифологические персонажи в русском фольклоре» (М., 1975), что, несомненно, должно способствовать дальнейшему исследованию быличек в Японии. Особенно полезен для сравнительной фольклористики «Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах», помещенный в конце книги.

Т. Банная, изучая по материалам фольклора (сказки, былины, причитания, поверья, легенды, народный календарь и т. п.) представления русских о загробном мире¹³, приходит к выводу, что представления эти связаны с мифологией и утопическими легендами¹⁴.

¹⁰ Чистов К. В. П. И. Мельников-Печерский и И. А. Федосова // Славянский фольклор. М., 1972.

¹¹ Невский Н. А. Русская крестьянская песня // Арараги. 1920. Т. 13. № 10.

¹² Каинума И. Русская загадка как поэзия // Бунка то гэнго (Культура и язык). 1968. Т. 1. № 1.

¹³ Банная Т. Представление русских о загробном мире // Гэндай сюке (Современная религия). 1979. Т. 1.

¹⁴ Он считает, что возможна, как справедливо отмечали В. В. Иванов и В. Н. Топоров, семиотическая трактовка этих представлений (см. Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965).

Две статьи Ё. Накамуры (1977 и 1981 гг.)¹⁵ посвящены легендам о Беловодье и граде Китеже. Легенда о Беловодье особенно интересна японцам, потому что в ней Беловодье связывается с Японией (Опонское царство). Статья Ё. Накамуры «Нахинкоку хакусуйкё танкю» (Поиски японского Беловодья) написана под влиянием работы К. В. Чистова¹⁶, но вносит и кое-что новое в трактовку этой легенды.

В 1980 г. профессор Токийского университета С. Курихара опубликовал книгу о славянских упырях¹⁷. Используя обширный материал (предания, былички, сказки, летописи и т. д.) русских и славянских народов, он приходит к выводу, что «родина» упыря — южная территория расселения славян, где живут болгары, македонцы и сербы, а представление об упырях возникло на основе верований древних славян в демонов, подвергшихся влиянию мифологических образов Древней Греции и Востока и христианских воззрений. Книга С. Курихары получила высокую оценку в Японии и представляется одним из значительных достижений японского славяноведения.

И. Ито написал в 1981 г. статью о славянских верованиях в людей-волков, волколаков¹⁸. Ссылаясь на обширные материалы, автор утверждает, что эти верования связаны с культом колдуна и распространены среди восточнославянских и западнославянских народов. Мотив пастуха-волка существовал и у южных славян, для которых характерно и ряженье волком во время зимних праздников. По мнению И. Ито, раньше существовало, видимо, ритуальное «превращение» в волка молодых воинов-славян.

В Японии разрабатывается и проблема «Русская литература и фольклор». Еще в 1940-е годы была опубликована статья Х. Накады о влиянии фольклора на произведения А. С. Пушкина, которая во многом повторяет известную работу М. К. Азадовского¹⁹. В 1975 г. Т. Баннай в университете Васэда защитил кандидатскую диссертацию по теме «Эпопея П. И. Мельникова-Печерского „В лесах“ и фольклор». Основываясь на работах Г. С. Виноградова, К. В. Чистова²⁰ и др., он старался всесторонне проанализировать фольклорные источники, использованные П. И. Мельниковым-Печерским. Произведения П. И. Мельникова долгое время мало знали в Японии, но в последние годы интерес к его творчеству возрастает.

Недавно вышли в свет переводы двух известных работ П. Г. Богатырева: «Народный театр чехов и словаков» (1982) и «Функции национального костюма в Моравской Словакии» (1981). Анализ последней работы был дан в опубликованной в 1981 г. книге Т. Кувана «Семиотика народной культуры».

Тема «Русская народная культура» популярна среди японских исследователей. Ей посвящены статьи Ё. Накамуры «Народные гулянья в старой Москве» и Т. Банная о балаганах и зазываниях балаганных дедов («Заметки о русских балаганах», 1980 г.; «Уличные слова в России», 1979 г.)²¹, Т. Баннай написал также статью «Русская ярмарка и фольклор», в которой подчеркивает важность изучения ярмарок

¹⁵ Накамура Е. Поиски японского Беловодья//Россия но сисо то бунгаку (Русская мысль и литература). 1977; *его же*. Легенды о невидимом граде Китеже//Джинбун кагаку кэнкю (Исследование гуманитарных наук). 1981. Т. 21.

¹⁶ Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967.

¹⁷ Курихара С. Сурабу кюкэцуки дэнсэцу ко (Верование славян в упырей). 1980.

¹⁸ Ито И. Верования славян в людей-волков//Кокуруцу миндзокугаку хакубуцукан кэнкюхококу (Записки музея этнологии Японии). 1981. Т. 6. № 4.

¹⁹ Азадовский М. К. Пушкин и фольклор//Азадовский М. К. Литература и фольклор. Л., 1938.

²⁰ Виноградов Г. С. Опыт выявления фольклорных источников романа Мельникова-Печерского «В лесах»//Сов. фольклор. 1936. № 2—3; Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв.

²¹ Накамура Е. Народные гулянья в старой Москве//Народ. 1979. Т. 1; Баннай Т. Заметки о русских балаганах//Джинбун кагаку кэнкю (Исследование гуманитарных наук). 1980. Т. 20; Уличные слова в России//Гэнго бунка (Словесная культура). 1979. Т. 16.

(с этнографической и фольклористической точек зрения) и городского фольклора.

В Японии в основном проявляется интерес к быту, народным праздникам и фольклору крестьян. Чтобы привлечь внимание исследователей к культуре горожан, Т. Баннай рецензировал книгу А. А. Белкина «Русские скоморохи» (М., 1975). В своей статье о скоморохах Т. Баннай отметил большую роль странствующих скоморохов в формировании народной культуры²². На этих работах в большей или меньшей степени сказались влияние трудов П. Г. Богатырева и М. М. Бахтина, в частности исследования последнего о народной карнавальной культуре европейского средневековья и Ренессанса (1965), которое появилось в переводе на японский язык еще в 1968 г. и пользуется широкой известностью.

В последнее время в Японии усилилось комплексное изучение фольклора фольклористами и историками. Нередко они работают совместно, и формируется новая отрасль знания в японской науке — «история народа». Для ее развития очень важны работы К. В. Чистова, М. Г. Рабиновича, М. М. Громыко²³ и др.

Особый интерес у японских фольклористов вызывает обрядовый фольклор. Еще в 1966 г. опубликована на японском языке (к сожалению, в переводе допущены ошибки) книга В. Я. Проппа «Русские аграрные праздники (опыт историко-этнографического исследования)» (Л., 1963). Типологический метод, который предложил В. Я. Пропп применительно к календарным обрядам, привлек внимание японских фольклористов. Т. Баннай в статье 1977 г. рассмотрел, основываясь на работах В. Я. Проппа и В. И. Чичерова²⁴, русский новогодний обряд. Он опубликовал также статью о русских качелях²⁵, в которой связывает это развлечение с древними языческими культами, в частности с культом земли. На эту связь указывали Дж. Фрэзер, А. Е. Аничков, Е. Г. Кагаров, В. К. Соколова, М. Г. Рабинович и др. Кроме того, Т. Баннай предпринял попытку мифологического толкования качелей, что имело место и в работах А. Н. Афанасьева, М. Элиадэ и Р. Келлуа²⁶.

В поле зрения японских исследователей неизменно находится история дореволюционной и советской фольклористики. Вышли в свет работы С. Курихары о В. И. Дале, Х. Окабаяси о А. Ф. Гильфердинге, Е. Накамуры об А. Н. Афанасьеве, Т. Сакона о И. А. Худякове, Т. Банная о П. И. Якушкине, две статьи (1980 и 1981 гг.) Т. Банная о Ю. Соколове (его деятельности в 1920-е годы и о фольклористике этого периода). Профессор Национального музея этнологии Японии К. Като в 1976 г. опубликовал интересную книгу под заглавием «Небесная змея», посвященную жизни и работе Н. А. Невского, о котором упоминалось выше.

В 1978 г. в Советском Союзе вышла в свет книга Кацурагавы Хосю «Краткие вести о скитаниях в северных водах» (яп. название «Хокуса монряку») в переводе В. М. Константинова²⁷, что стало одним из важнейших событий в русско-японских культурных отношениях.

Интересна история создания книги. Известно, что до середины 1850-х годов немногие из жителей Японии могли познакомиться с зару-

²² Баннай Т. Рец. на книгу А. Белкина // Хитоцубаси кэнкю (Исследования Хитоцубаси). 1978. № 38; *его же*. Скоморохи в XVII в. // Народ. 1980. Т. 3.

²³ Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв.; Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978; Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975.

²⁴ Баннай Т. Заметки о русских новогодних обычаях // Росиято росиябунгаку кэнкю (Бюллетень японской ассоциации русистов). 1977. Т. 9; Чичеров В. И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX веков. М., 1957.

²⁵ Баннай Т. Заметки о русских качелях // Сякайгаку кэнкю (Исследование общественных наук). 1981. Т. 20.

²⁶ См., например: Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865—1869; Caillois R. Les Jeux et les Hommes. Callimard, 1958.

²⁷ Кацурагава Хосю. Краткие вести о скитаниях в северных водах / Пер. с яп. яз., комментарий и приложения Константинова В. М. М., 1978.

бежной культурой, в том числе русской. В 1783 г. несколько японцев, в том числе Дайкокуя Кодаю — капитан японской шхуны Сенсё-мару, занесенной бурей в «северные воды», т. е. северную часть Тихого океана, оказались у одного из Алеутских островов, принадлежавших тогда России. В 1787 г. они были перевезены на Камчатку. После долгих странствий по России Кодаю в 1791 г. попал в Петербург, где был принят Екатериной II. В 1791 г. ему было разрешено вернуться на родину.

По возвращении в Японию Кодаю рассказал о пережитом и виденном им в России. Запись его рассказа, а также подробное изложение истории его скитаний, которое под названием «Сны о России» было распространено в списках, и легли в основу книги Кацурагавы Хосю «Хокуса монряку».

Книга состоит из 11 глав и содержит много самых разнообразных сведений, любопытных и ценных с точки зрения не только историков и лингвистов, но и этнографов и фольклористов. Например, Ё. Накамура предпринял интересную попытку осветить, используя русские народные песни, которые Кодаю слышал в России и привез на родину²⁸, некоторые эпизоды ранних русско-японских отношений. Кодаю охарактеризовал также жилища, бани, школы, больницы, суд и тюрьмы, пищу и напитки, рассказал о врачах, священниках и религии, о чиновниках, музыкальных инструментах, одежде и т. д. Разумеется, он обратил внимание и на народные праздники и обряды. Кодаю, например, подробно описывает пасхальные качели: «В течение семи дней праздника... кроме разных игрищ там устраиваются качели, а также делается большой плоский круг; круг вращается, а по его краям стоят люди и крутятся [вместе с ним]. Или имеется еще такое большое колесо, сажени три в поперечнике. По окружности колеса сделано много поперечных осей, вращающихся вокруг себя. К ним прицепляются люди, колесо начинает вращаться, и подвешенные к поперечинам люди движутся вместе с окружностью колеса, то есть поднимаются и опускаются по мере его вращения. Поскольку оси [к которым прицеплены люди] могут свободно вращаться, их тела все время сохраняют нужное положение»²⁹. В книге мы находим и красочную зарисовку святочных развлечений конца XVIII в.: «Во время праздников катаются по льду реки Невы, надев на ноги деревянную обувь, к нижней части которой приделываются железные полоски с загибом в форме полумесяца. Наступая на нее, скользят по льду... Очень красивое зрелище представляют мужчины и женщины, когда они бегут с развевающимися по ветру разноцветными лентами (это вроде тесьмы шириной около одного суна), вплетенными в прически. Если кто-нибудь (из катающихся) свалится, (все) громко смеются и издеваются (над ним). В эту пору на берег реки приходят люди, которые за плату дают напрокат (такую) деревянную обувь. (Кататься) приходят даже жены и дочери из благородных семейств, но они надевают деревянную обувь (еще) в карете, а потом, откинув занавеску, только выходят (из кареты) и сразу же бегут (по льду)»³⁰.

Мы намеренно так подробно остановились на этой книге, ибо Дайкокуя Кодаю — первый японец, собиравший в «полевых» (если можно их так назвать) условиях русский фольклор и этнографический материал.

²⁸ Накамура Ё. Эпизоды из истории ранних русско-японских отношений — о нескольких русских песнях, привезенных в Японию в XVIII и XIX вв. (на русск. яз.)//Hitotsu-bashi Journal of Arts and Sciences. 1970. V. 11. № 1.

²⁹ Кацурагава Хосю. Краткие вести о скитаниях в северных водах. С. 203.

³⁰ Там же. С. 205—206.